

L. M. Vardomatskiy
Vitebsk State University named after P. M. Masherov
e-mail: vard_L@tut.by

Folk names of Plants of Belarus in the Records of E. Ozhesko

Key words: folk dialects, plant names, nominative equivalents, logic of names, comparative analysis.

The article reveals the peculiarities of the popular names of medicinal plants recorded by the famous Polish writer E. Ozeszko in the western regions of the modern territory of Belarus. The nominative equivalents of these plants in the Belarusian, Russian and Polish languages are given. As a result of the analysis, a conclusion is drawn about the possible logical grounds for the emergence of popular names and the reflection in them the features of the Belarusian language.

А. Ю. Гилевская
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)
e-mail: a_gilewska@rambler.ru

УДК 321.161.1-1:811.161.1(470+571)

Родная речь и родной край в поэзии Ирины Аргутиной

Ключевые слова: родной язык, родной край, цитата, номен, культурная память.

В статье рассматриваются особенности обращения к родному слову и родному русскому языку современного поэта Ирины Аргутиной, живущей в г. Челябинске. В её творчестве родное слово служит в первую очередь маркером культурного кода, обращением к общей с читателем памяти, всегда тесно связанной с родным краем.

Ирина Марковна Аргутина (род. 1963) – российский поэт, член Союза писателей России, член редколлегии международного поэтического интернет-альманаха «45-я параллель», автор восьми поэтических книг. Живёт в г. Челябинске [4].

В творчестве Ирины Аргутиной родной язык – в тесной связи с родным краем и культурной памятью – занимает одно из ведущих мест. Несмотря на то, что непосредственно образ родной речи и / или русского языка встречается только в двух стихотворениях автора, мотивы слова как такового и слова, тесно связанного и порою даже вдохновлённого родными местами, очень часто возникает в её поэзии.

Рассмотрим два стихотворения, в которых непосредственно встречаются апелляции к русской речи. Небольшое безымянное стихотворение завершается фразой «Ты всё ещё слегка говоришь по-русски?». Стихотворение сложно для понимания, многогранно и аллегорично, но, так или иначе, сохранение способности к речи, к говорению по-русски однозначно является в нём для лирического героя маркером сохранения себя:

*Не то беда,
что вылупился отсюда,
а то, что к благу не привести и силой.
Позаносило
русла больных сосудов
песком и илом.*

Скрипит стекло песка.

Проползи по руслу.

Ты всё ещё слегка говоришь по-русски? [1].

Это стихотворение – как будто своеобразная проверка в общении лирического героя и того, к кому он обращается: ты всё ещё со мной после пережитого? Насколько тебя изменило то, что произошло? Мы до сих пор друг друга понимаем?

Второе прямое обращение к образу родной речи наблюдаем в стихотворении «Поле», однако в данном случае эта апелляция гораздо менее акцентна:

Понимаешь родную речь?

Это Поле. Здесь хорошо.

Не тебе его пересечь.

Ну куда ты, дурак, пошёл?! [1].

На первый взгляд кажется, что вопросительная фраза «Понимаешь родную речь?» в этом случае полностью синонимична фразе «Ты меня слышишь?», однако при ближайшем рассмотрении наблюдается, как нам представляется, оказывается, что в этих словах заключена уже знакомая нам концепция осознания понимания речи как маркера существования, присутствия в определённом духовном пространстве. Причём это присутствие в известной степени обманчиво: характерный для русской культуры концепт поля, некоей связи с архетипичным для русской же культуры образом дурака, действующего вопреки, позволяет предположить, что апелляция таким образом к разуму, наоборот, ставит вопрошающего в позицию непонимающего важных для осмысления культуры концептов – непонимания того, что стоит за речью.

Кроме того, сам концепт слова в стихах Ирины Аргутиной часто связывается с творческим актом: слово становится выразителем эмоций и переживаний, слово маркирует создателя текста как поэта, слово является главным инструментом авторской рефлексии. Именно подобным образом эта рефлексия реализуется в одном из стихотворений поэтессы, фрагмент которого приводится далее:

Ищешь прозрачное слово – а что находишь?

И все равно произносишь. А чувство меры

не в состоянии строгой своей печатью

остановить течение часов и речи [2, 14].

И именно это погружение в сферу творчества, этот метатекст о создании текста, «слово о слове» формирует, с нашей точки зрения, и некий дополнительный уровень восприятия в поэзии Аргутиной.

В оппозиции к слову находится **безмолвие**; в стихотворениях Ирины Аргутиной немота, невозможность говорить, отсутствие слова – это маркер наиболее тяжёлого состояния духа лирического героя (героини), некоего максимального отрыва его от собственной личности, потери последней надежды, за которую ещё цеплялось «я» в попытках удержаться, – ср., например::

... но когда не находится слов,

начинается тихая паника

бессловесно угрюмых миров,

что безмолвием порождены [1].

Для индивидуально-авторской манеры поэтессы характерны также обращения к знаковым для русской культуры – и литературы в первую очередь – фигурам. Так, например, в одном из рассматриваемых стихотворениях дважды (в повторе) упоминается имя А. С. Пушкина – фигуры, как отмечает сама Ирина Аргутина, знаковой для неё (как для автора) и при этом, разумеется, ключевой для русской культуры: «*Ветер, ветер, ты могуч. / Пушкин, Пушкин, ты везуч*» [2, 125]. Для ещё одного из стихотворений в качестве эпиграфа взяты известные пушкинские строки: «*На свете счастья нет,*

но есть покой и воля. А. С. Пушкин» [2, 128]). Аргутина прибегает к интертекстуальному осмыслению русского слова, погружаясь в сферу узнаваемого и всеобщего, однако сохраняя при этом характерную для её поэзии парадоксальную оппозицию: крайней интимности лирики и некоего отстранения, выдержанной дистанции между собой и читателем.

Интертекстуальность – категория, характерная для поэтессы не менее, чем мета-текст; при этом реализуется она не только на уровне обращения к значимым номенам, но и в прямой цитации:

*и не пугает трюм,
и много ли последствий:
бессонница, Гомер,
тугие паруса [2, 178].*

Интертекстуальные связи очень важны для поэтики Ирины Аргутиной. Основываясь в первую очередь на них, постоянно апеллируя к культурной памяти читателя поэта, создаёт своеобразный культурный код – код, адресованный «своим». Этот мотив явственно прослеживается, в частности, в пьесе в стихах И. Аргутиной «Помни о жизни!», где герои сходятся именно благодаря этому культурному коду, общей памяти.

Как уже упоминалось выше, родная речь и родной край в поэзии Ирины Аргутиной тесно переплетаются с родным словом. При этом важную роль в творчестве поэтессы играет и **топос**: многие стихотворения прямо или косвенно связаны с Челябинском – городом, в котором Ирина Аргутина прожила всю жизнь. Одно из самых «насыщенных» топонимами её стихотворений – «Возвращение к цикадам», которое постоянно включается в разные сборники произведений И. Аргутиной, что позволяет сделать вывод о его особой значимости для всего творческого дискурса поэтессы – ср., например:

*Дым отечества там, где север.
Рыжий запах смолы и серы,
он плывёт на восток и юг
от геенны металлургии [2, 81].*

Несмотря на очевидную локализованность текста, очевидную его связь с определённым топосом, в стихах И. Аргутиной чувствуется какая-то «всехность», узнаваемость описываемого географического объекта не только жителями Челябинска. Предельно мифологизированный и эстетизированный город в её творчестве становится абстракцией российской провинции, а конкретная топонимика сводится к службе в первую очередь средством передачи знакомых каждому чувств, выражаемых через слова привязанности к родному месту, непредугаданности, казалось бы, изученного пространства, чуткости к изменению хорошо знакомого мира.

Рецензент первых сборников Ирины Аргутиной О. Старостина отмечает: «И я, никогда не бывавшая на Урале – горном, металлургическом, индустриальном, осеннем или весеннем, – узнаю в этих улицах, дощатых домиках и «фасадах парадных» свою малую родину, открываю, так сказать, Челябинск в собственной душе» [5]. Это ощущение Челябинска в собственной душе в творчестве Ирины Аргутиной, как нам представляется, может быть расширено до России в душе: поэтесса часто обращается к образу России как таковой, России в контексте её истории и культуры.

Таким образом, обращение к родному слову и русскому языку в поэзии Ирины Аргутиной служит в первую очередь маркером культурного кода, обращением к общей с читателем памяти. Эта связь обуславливается общим с читателями знанием культурно-исторических канонов, апелляцией к значимым номенам, узнаванием интертекстуальных вкраплений (прежде всего – прямых цитат), а также непосредственным включением в поэтические произведения образов большой и малой родины. Слово для поэтессы – это порождающий творческий акт, который, благодаря преемственности поэзии, позволяет приобщиться к богатству русской культуры.

Літэратура

1. Аргутина, И. М. Время Поить Пески / И. Аргутина // Журнал Самиздат. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://samlib.ru/p/petrushkin_a_a/argutina.shtml. – Дата доступа : 25.02.2020
2. Аргутина, И. М. Избранное. Стихотворения, поэмы, пьеса в стихах / И. Аргутина // Челябинск : Книга, 2009.
3. Аргутина, И. Птица из урочища Челяби : (опыт автобиографии) / И. Аргутина // 45-я параллель : поэт. альм. – [Б. м., 2012. – Вып. 22 (226)]. – [Электронный ресурс]– Режим доступа : http://45parallel.net/irina_argutina/, свободный. – Загл. с экрана. – Дата доступа : 25.02.2020
4. Ирина Аргутина // Энциклопедия «Уральская поэтическая школа» / [авт. проекта и гл. ред. изд. В. О. Кальпиди]. – Челябинск : Изд. группа «Десять тысяч слов», 2013. – С. 48–51.
5. Старостина, О. Три лика уральской музыки: поэт в черно-белом времени / О. Старостина // Лит. Россия. – 2005. – 19 авг. (№ 33–34).

A. Gilewskaia

South Ural State University
e-mail: a_gilewska@rambler.ru

Native Language and Native Land in the Irina Argutina's Poetry

Keywords: native language, native land, citation, nomen, cultural memory.

The article discusses the features of the appeal to the native word and Russian language of the modern poet Irina Argutina, who lives in the city of Chelyabinsk. In her work, the native word serves primarily as a marker of the cultural code, an appeal to the memory common with the reader, always closely connected with the native land.

Л. Я. Глазман

Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П. М. Машэрава
e-mail: lubov_glazman@bk.ru

УДК 821.161.3.09

Выкарыстанне няроднай мовы як мастацкі прыём у беларускай літаратуры XIX стагоддзя

Ключавыя словы: беларуская літаратура, XIX стагоддзе, няродная мова, пародыя, сатыра.

У артыкуле даследуецца феномен наўмыснага ўключэння ў беларускамоўныя мастацкія тэксты XIX стагоддзя іншамовных словаў і выразаў. Сцвярджаецца, што беларускамоўныя аўтары (Я. Чачот, В. Дунін-Марцінкевіч, А. Гурыновіч, Ф. Тапчэўскі, А. Рыпінскі, А. Абуховіч, і інш.) выкарыстоўвалі польскую, рускую, французскую, лацінскую мовы ў змяшэнні з беларускай дзеля дасягнення пэўнага мастацкага эфекту. Раскрываюцца перадумовы і спецыфіка выкарыстання няроднай мовы ў беларускай літаратуры пазначанага перыяду.

Праблемы, звязаныя з роднай мовай, спецыфікай яе бытавання, выкарыстання і – як ні дзіўна, але абсалютна дакладна – існавання чырвонай ніткай праходзяць праз увесь беларускі літаратурны працэс. Можна беспамылкова адзначыць, што моўнае пытанне, якое зарадзілася і адразу паўстала рубам адначасова з узнікненнем новай беларускай літаратуры, узмацняючыся ва ўласна беларускамоўных тэкстах аўтараў XIX, а потым і XX стагоддзя, працягвае заставацца адной з асноўных тэм у сучаснай літаратуры.